

*Поэты в миру после строк ставят знак кровотечения,
К ним Бог на порог, но они верно имеют свой срам...
Александр Башлачев*

Оба моих прадеда: Дмитрий Александрович Альпидовский (по отцовской линии) и Василий Яковлевич Лабзин (по материнской линии) имели непосредственное отношение к русской православной церкви. Дмитрий Александрович (1870 года рождения) в 20-х годах прошлого века служил священником в Покровской церкви села Тагашево Казанской губернии (с 1920 года — Автономная Татарская Социалистическая Советская Республика). Василий Яковлевич (1883 года рождения) в те же годы в селе Вознесение (Вознесенский погост) Владимирской губернии был избран односельчанами и служил церковным старостой при храме Вознесения Господня (с приделом во имя св. Николая Чудотворца), рядом располагалась деревня Чулково. Оба испытали на себе гонения большевиков.

Дед по отцовской линии, Валентин Дмитриевич, рассказывал, как однажды в начале 20-х годов к их дому в селе Тагашево подошла толпа крестьян, возглавляемая представителями «комитета бедноты». Они потребовали от священника открыть сельский храм и выдать на нужды голодающим дорожную церковную утварь.

Отец Дмитрий жил в бедном крестьянском доме, в котором крыша крыта соломой, с женой, матушкой Аполлинарией (урожденной Теминой) и детьми: сыновьями — Алексеем, Виктором, Валентином (моим дедом), Анатолием и дочерьми — Надеждой и Ниной. Старшая дочь Екатерина и старший сын Николай в то время были взрослыми и жили отдельно. Екатерина, окончив в своё время епархиальное Казанское женское духовное училище, вышла замуж за художника Архипова и работала учительницей, а Николай, окончив по первому разряду Казанскую духовную семинарию, не пошёл по стопам отца, а служил в рабоче-крестьянской Красной Армии старшим триангулятором 2-го военно-тригонометрического отряда (соответствует нынешнему званию капитана). Из характе-

ристики, данной Николаю Альпидовскому в 1923 г. военкомом отдела П.В.Николаенко: «...Отношение к делу добросовестное... Живет сравнительно скромно. Отношение к Сов. власти безразличное, но иногда чувствуется скрытая глубокая ненависть. Хотя говорит, что сочувствует Сов. власти, но иногда проскальзывают кадетские выпады, хотя это бывает редко. По идеологии идеалист. Если действительно ненавидит Сов.власть, то по своему характеру может вонзить нож в спину в трудный момент. Должности соответствует, необходимо наблюдение...»

Николай как раз был в то время в гостях у отца Дмитрия и вышел к «сельским пролетариям», чтобы успокоить их и попросить разойтись. Его красноармейская форма не подействовала на «комитетчиков», они продолжали требовать, чтобы священник вышел к ним, и отдал «награбленное попами народное добро». Николай вынужден был два раза выстрелить в воздух из табельного револьвера. Только после этого «радители за народное достояние» ушли восвояси. В дальнейшем односельчане Дмитрия Александровича, как могли, оберегали от преследований со стороны комбедовцев-атеистов.

Василий Яковлевич Лабзин держал пасеку, был зажиточным крестьянином, по меркам 20-х годов — кулаком. Он избирался старостой храма, так как пользовался уважением среди православных односельчан. Когда ведомые большевиками бедняки начали разрушать и грабить храм, Василий Яковлевич вместе с прихожанами пытался спасти самые ценные иконы. Православные прятали их по домам.

Василия Яковлевича «раскулачили», дом разграбили. Умер он в 1936 году. Дети — Федор, Петр, Лидия жили в деревне Чулково, недалеко от храма. Федор Васильевич — отец моей мамы, Валентины Федоровны. Мама работала учителем в средней школе. У Федора Васильевича ещё были дочь Людмила и сын Владимир. 7 августа (в день рождения мамы) 2002 года мы посетили церковь Вознесения Господня, на погосте которой упокоены её родители: Федор Васильевич и Федосья Сергеевна, и её дед Василий Яковлевич Лабзин. Дочь Василия Яковлевича Лидия вышла замуж за Ивана Петровича Лукина. Их сын Борис (известный русский поэт и публицист) — двоюродный брат моей мамы.

23 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издал известный декрет об отделении Церкви от государства. Под отделением подразумевалось ограбление и уничтожение Церкви. Поэтому, естественно, первым делом запрещено было преподавание «Закона Божьего» и религиозных вероучений. По воспоминаниям многочисленных очевидцев, после отделения школы от Церкви в сельской местности многие школы опустели, потому что просто некому стало учить детей — прежде почти все учителя были из духовного звания. Школьное дело оживилось лишь в начале 20-х годов, причём первыми учительницами стали... дочери священников.

Когда в 40-е годы Екатерина Архипова (урожденная Альпидовская) преподавала в школе села Кулаево, АТССР, где жила вместе с матерью Аполлинарией Анатольевной Альпидовской (урождённой Теминой), местные власти решили использовать здание церкви для нужд школы и дали команду учителям снимать иконы и кресты, заставили соскабливать со стен лики святых. Екатерина Дмитриевна отказалась. После этого начались притеснения со стороны начальства, и она была вынуждена уехать к сестре Надежде Дмитриевне Зотовой (Альпидовской) в город Бугурслан Оренбургской области. Сын Николая Дмитриевича Станислав работал директором школы в Новосибирске, имел степень кандидата педагогических наук, был награжден знаком «Отличник народного образования» и медалью «За особые заслуги перед Отечеством». Брат Николая, Виктор тоже работал директором средней школы на станции Юкса, под Новосибирском, его жена Софья, дочь дьякона Сокольского, преподавала там же географию, оба удостоены государственных наград, в частности, орденов Трудового Красного Знамени.

На территории губерний закрылись последние церковно-приходские школы, как «вредные для революции». Истинное отношение к ним новой власти выразилось в одной скрывавшейся ранее директиве. Она гласила: «1 мая 1919 года № 13666/2. Председателю ВЧК тов. Дзержинскому. В соответствии с решением ВЦИК и Совнаркома необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов печатывать и превращать в склады. Председатель ВЦИК М.И.Калинин, Председатель Совнаркома В.И.Ульянов (Ленин)».

В губерниях власти ограничивались реквизицией церковных земель, квартир духовенства и его арестами с конфискацией имущества. В городах батюшек из своих домов выбрасывали на улицу, а в сельской глубинке приходские причты еще сохраняли за собой квартиры аж до середины 1920 годов. У духовенства отняли не только квартиры, но и приглянувшиеся вещи — посуду, мебель, одежду... Особенно это было распространено в городах. После подобных экспроприаций содержание обездоленного причта на селе ложилось на плечи верующих крестьян, им же приходилось платить за наёмные квартиры, дома для духовенства, а также обеспечивать их материальным достатком.

Грабежом дело не ограничивалось. В 1918 году начались аресты, расстрелы духовенства с формулировкой «За явную агитацию против советской власти». В 1921 году Поволжье оказалось охвачено засухой, около 40 губерний голодало. Кроме того, в 1921 году установлено 13 видов налогов для населения, а продразвёрстка заменена налогом. Очевидцы тех дней рассказывали, что 1921 год был неурожайным на хлеба. От голода умирали целыми семьями. Спасала картошка, но её тоже было мало. И так её ценили, что варили даже не в кастрюле, а в самоваре. Открывали крышку и раскладывали вокруг трубы. Ослабленные голодом люди стали жертвой эпидемии тифа.

В создавшейся ситуации церковь не могла остаться безучастной, и Святейший Патриарх Тихон объявил кампанию по добровольной сдаче церковных ценностей в пользу голодающих. Власти, между тем, особой энергии в борьбе с голодом не проявили, зато решили использовать момент для удара по Церкви. Большевики потребовали сдать всё, включая Чаши для причастия, зная, что употребление священных сосудов и прочих культовых предметов не для богослужбных целей запрещалось канонами Вселенской Церкви. Кампания изъятия приняла насильственный характер. Всего по стране изъято из церквей ценностей на сумму 4 миллиарда рублей, из которых на голод пошёл... один миллиард! Ещё один миллиард - на финансирование самой кампании. В то же время бесценный хлеб продавали за границу.

В 1927 году началось закрытие церквей. Продолжалось выселение из квартир оставшегося на то время духовенства. Его лишили избирательных прав, а вместе с тем и продовольственных карточек. Прав лишалась вся семья «служителя культа», если, конечно, она от него не отказывалась. На священство в придачу к тяжёлым налогам налагалась трудовая повинность, вне зависимости от возраста и состояния здоровья. Дети из семей духовенства не имели права в конце 20-х годов учиться в школах первой и второй ступени, в вузах. Осенью 1929 года произошло их массовое исключение из вузов.

В Марийском крае до ареста в 1935 году служил епископом Авраамий, он был назначен епископом Марийским, викарием Нижегородской Епархии. При его официальной регистрации в 1933 году в Горьковском крайисполкоме отмечалось, что деятельность Марийского епископа распространялась на Звениговский, Козьмодемьянский и Йошкар-Олинский, Сотнурский, Мари-Турекский, Моркинский, Ново-Торьяльский, Оршанский и Юринский кантоны. Проживал владыко неподалеку от Вознесенского храма Йошкар-Олы по адресу ул. Карла Маркса, дом 10.

Положение в приходах, духовная жизнь верующих, их нравственное состояние, укрепление в людях веры — вот что волновало епископа Авраамия прежде всего. Об этом свидетельствует его письмо, составленное 21 апреля 1935 года и адресованное архимандриту Серафиму (Павловскому), проживавшему в то время в селе Ежово: «Убедительно прошу Ваше Высокопреподобие принять на себя труды временно послужить *вместо болящего отца протоиерея Александра Альпидовского* в церкви села Нурмы Йошкар-Олинского района и тем доставить великое утешение верующим прихожанам в наступившие Великие дни Страстной недели и Святой Пасхи. Божие благословение буди с Вами! Богомолец Ваш, епископ Марийский Авраамий».

Владыка Авраамий, Епископ Марийский пользовался среди верующих Марийского края уважением и любовью, многие почитали его как праведника. И когда в начале 1930-х годов было принято решение о разорении дореволюционных, а стало быть, по мнению властей, буржуазных кладбищ, за помощью и утешением прихожане шли в Марийскую епархию. В мае 1934 года с посланием к Владыке обратилась община церкви Рождества Христова села Арда Горномарийского кантона МАО. Приведём этот трогательный документ полностью:

«От имени религиозных общин и церковного совета к тебе, Владыко, прибегаем и тебя мы просим о ходатайстве перед Исполнительным комитетом Марийской области. Найди и нам правду, заступись за нас и отцов, и матерей наших, и за наш православный храм.»

Владыко! Несправедливость мы видим, чувствуем за себя отцов и матерей наших и видим поругание святого нашего храма. Перед святым нашим алтарем, на могилах наших матерей и отцов вздумала местная власть в лице председателя сельсовета, комсомольской ячейки и учителей 20 мая 1934 года сделать субботник. Пришли на кладбище, стали ломать и кидать памятники, и разравнивали могилы, никого не спрашивая, ни муниципального персонала, ни церковного совета, ни религиозных общин. Никто, ничего не зная, пришли, разбросали кресты. И думали устроить сад, место увеселения, гуляния, и поставить будку для пивной. Стирают с лица земли могилы, ломают кресты, памятники над ними, заставляют нас забыть родных наших, зная хорошо, что везде и всюду даже партийные люди, и те, над своими усопшими братьями ставят памятники и отводят свои места погребения. Говорят, что это будто «буржуйское» кулацкое кладбище.

Мертвых не судят, и никому, кроме Христа нашего Бога, судить их не дано. Мы знаем, что на наших кладбищах мы хоронили наших отцов и матерей и детей, и похоронили несколько священнослужителей, мы хоронили людей и знали, что «мертвые сраму не имут». Бог хотел обмиловать Содом и Гомору, если там найдется хоть один праведник — помилуйте и спасите от поругания могилы наших отцов, защитите наш алтарь и упрсите Господа и Бога и творящих это дело, чтобы они кончили думать это дело, перед окнами нашего святилища устраивать пивные заведения и гульбища.

Владыко! Заступись! С имеющими власть разберись, правы ли мы, отстаивая свой храм и могилы отцов. Помолись о нас Богу и не допусти своим заступничеством осквернение нашего храма. Прими это прошение к своему сердцу и поспеши утешить нас, твоих детей. Твои грешные рабы, православные христиане Христорожественской церкви села Арда».

Кажется, что сквозь строки этого документа сочатся кровавые слезы мучеников за Веру. Я ставлю, по примеру поэта, в конце своего рассказа знак кровоточия...